

МАСТЕРА ЛЕНИНГРАДСКОЙ СЦЕНЫ

ГЛАВНАЯ РОЛЬ

В ПОЛУМРАКЕ зрительного зала Пушкинского театра напряженная тишина. Идет репетиция нового спектакля «Кремлевские куранты». На сцене В. Честников и Б. Фрейндлих — В. И. Ленин и Г. Уэллс. Разговор о России.

В зале режиссеры спектакля В. Эренберг и А. Даусон вслушиваются в настороженные интонации голоса Честникова.

— Пожалуйста, расскажите, что вы у нас заметили.

Напряженное ожидание ответа. Что увидит в нищей и разоренной России зоркий взгляд этого провидца будущего, знаменитого писателя-фантаста? «Вижу Россию во мгле» — и только?

В этой сцене Ленин, опытный полемист, полон готовности отразить нападки Уэллса. На каждую реплику писателя готов молниеносный ответ. И быстрота реакции должна передать напряжение и собранность Ленина. Это — дуэль.

Но режиссеры останавливают репетицию. Им кажется, что Владимир Иванович слишком мягок. А Ленин здесь — дерзостный. Именно это и потрясает Уэллса. Идет поиск. Скрупулезная работа над образом.

А ведь так легко было бы предположить, что у Честникова роль Ленина давно готова. Ведь он уже играл ее в спектаклях «Грозовой год», «Суровое счастье», «Между ливнями», в фильме «В дни Октября».

Но, оказывается, к образу В. И. Ленина путь нескончаем, потому что это путь познания ленинского характера. И каждый этап работы над ролью только приближение к истине.

В ПЕРВЫЙ раз роль поманила и ускользнула. В 1937 году в Театре имени Ленинского комсомола Честников был назначен вторым исполнителем роли Ленина в спектакле «Человек с ружьем». Но для влого состава времени не хватило, и спектакль выпустили с первым исполнителем — играл Е. Альтус.

Честников вспоминает свои ощущения: «Я был счастлив, но... рядом с радостью прочно обосновался страх и неверие в свои силы. Узнав, что репетировать по недостатку времени не будем, с облегчением вздохнул и тут же страшно расстроился».

При том, что как будто бы совсем ничего не произошло, совершилось событие в сознании актера. Подспудно начала зреть мысль о работе над ролью, подсознательно актер примеривался к образу.

И когда через двадцать лет, в 1957 году, главный режиссер Пушкинского театра Леонид Сергеевич Вивьен вызвал Честникова и предложил подумать над ролью Ленина в спектакле «Грозовой год», Честников был внутренне подготовлен к этой работе.

Вместе с режиссером спектакля А. Даусоном был пройден весь классический путь изучения материалов. Просмотрены фильмы, прослушаны пластинки и записи ленинского голоса. Испробован сложный грим. И главное — в поисках ленинских интонаций, характерного хода мысли — прочитано много ленинских статей, речей, коротеньких деловых записок. И наконец стали рождаться выводы. Первый — искать и добиваться внешнего сходства, так как без этого невозможно повести зрителя дальше, в глубь образа. Вторым — отбросить мысль о величии образа, искать правду поведения в действии, в ходе мысли, в характере мечты. Величие Ленина должно рождаться в сознании зрителя как результат восприятия образа. Впрочем, это решение тоже было только этапом работы над ролью.

На премьере неожиданно для многих оказалось, что родилось новое, во многом самостоятельное решение.

В спектакле «Грозовой год» рождалась жизнь ленинского духа, трепетная и неповторимая. Уход от традиционной характерности вел к поискам характера. Конечно, это был только первый, еще робкий и во многом неуверенный по-

иск. Но Честников принес на сцену личное отношение ко всему, с чем сталкивается Ленин. Ни на секунду он не допускает отстраненного отношения к происходящему, взгляда со стороны или сверху. Каждая сцена в спектакле игралась актером как личная драма Ленина. Спор с Горьким, голодная девочка, которая утащила сахар, угроза кулака — любая сцена полна для него личного драматизма, он участвует в ней всеми силами ума и сердца.

Честников никогда не играл всеведущего Ленина, никогда не играл заранее известный результат. Ситуация, когда все мучаются в поисках выхода или решения, а он только и выжидает момента, когда можно изложить уже готовое предложение, решительно чужда художественному решению образа Честниковым.

„ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ нельзя отбросить, как бы незначительна она ни была“. Эти слова и ключ к образу Ленина, реального политика, и ключ к замыслу пьесы В. Михайлова «Суровое счастье».

Здесь Ленин размышляет о сложности обстановки в стране, о крестьянстве и психологии собственника, о голоде в Поволжье. Его посещения тяжелые сомнения — как победить все трудности, которые могут встать на пути революционной России?

При всех недостатках этой пьесы спектакль «Суровое счастье», поставленный Л. Вивьеном и Р. Агамирзяном, позволил родиться новому качеству исполнения роли.

Впервые на сцене театра была прямо поставлена задача показать ход ленинской мысли.

Владимир Иванович Честников нашел своеобразную форму решения этой задачи. Это диалог — полемика с самим собой. Следующая мысль, более ясная и верная, обгоняет, зачеркивает или уточняет предыдущую. Честников не всегда выдерживал этот принцип. Когда он сбивался с найденной внутренней драматургии монолога — начинал декламировать. Зачастую в тексте не хватало проникновенности, душевной откровенности, которая могла бы заразить зрительный зал полным и беспрерывным доверием.

В ПЬЕСЕ А. Штейна «Между ливнями» ленинских сцен — две. Только в начале второй сцены — короткий диалог с комиссаром Позднышевым. Все остальное время Ленин на сцене один. Сорок пять минут наедине со зрителем. С этой труднейшей задачей Честников справился блестяще.

Еще не включили свет на сцене, а откуда-то из-за кулис уже несется смех. Человек смеется наедине с собой. Один. Никого нет. Это потрясающе. Но вот дали полный свет. Он льется из большого голого, без занавесей, окна. Освещает изразцовую белую печь с блестящей медной дверцей. Кожаный «кабинетный» диван с книжной полкой и старенький столик, покрытый клеенкой. В освещенное пространство вошел человек с газетой. Он хохочет, захлебывается мелким веселым смехом.

Смех превращается телефонным звонком. И вот по телефону Ленин общается Марии Ильиничне содержание статейки, которая так его насмешила. Статьи про него.

Режиссер Р. Суслов и Честников идут самым сложным путем. По существу решения сцены все сделано для того, чтобы зритель не получил легкого и привычного эффекта узнавания. Актер лишен выхода «на публику» и, следовательно, ставших обязательными в этом случае аплодисментов. При такой мизансцене зритель может только насторожиться, попытаться вздуматься в причины такого заливистого смеха, взглянуть в человека, попытаться разобраться в ситуации. Собственно «узнавание» происходит тогда, когда Ленин начинает говорить по телефону. Здесь уже не зааплодируешь, уже начался «сюжет» сцены, идет внутренняя жизнь образа, уже хочется понять, что же насмешило Ленина в такое трудное, непереносимо трудное для него и страны время.

По существу, сюжет этой картины прочно вплетен в общую ткань событий. Ленин ощущает неблагоприятное экономическое и политическое положение в стране. Ведь за окном тревожный 1921 год.

Анекдотическое описание его внешности и образа жизни насмеши-

ло на короткое мгновение. И затем сразу же наступает желание разгадать смысл чудовищной лжи. Как трезвый политик он понимает, что за этой «вахханалией лжи» кроется свой, особый, второй смысл. «Пушки дредноутов нацелены на Петроград», — читает он во французской газете. Тоже ложь? Подозрительная, настораживающая. Как дела в Кронштадте?

Минутная передышка закончилась. Начинается сложная работа мысли. Как она рождается? Какие ассоциативные, логические связи ведут к выводу? А. Штейн попытался воссоздать драматургию рождения мысли. Он сталкивает как будто не связанные между собой впечатления Ленина.

Вот он встал на стул, чтобы открыть форточку. Увидел двор Кремля, весну, неубранный снег и лед, зеленовато-серое от усталости лицо товарища, который идет по этому двору. А за этими мелочами стоит крупное: разруха в стране.

Беспорядок — некому лифт починить в Совнарком. А товарища все-таки надо послать за хлебом в деревню. И лучше послать его, а не другого. Он хлеб привезет без крови, без штыков. Хлеб! Заметил поразительный исторический парадокс: первый раз в истории правящий класс, рабочий класс России, умирает от голода. И растерянно обнаружил, что съел свою порцию хлеба. Рассердился и вспомнил мужика из ходоков, который во время приема все что-то бормотал в уголке. Что-то раздражавшее... А — «торговлишку бы». И вспомнил своих противников, которых нужно еще будет переубедить. Хлопнул кулаком по ладони другой руки:

— А что? И торговлишку!

И вот, как будто перед ним сидят эти противники во плоти, он гневно убеждает тех, кто хочет коммунизма прямо завтра, непременно завтра, вопреки здравому смыслу. И как найденное окончательно определение — раздумчиво повторяет — новая экономическая политика.

Обстоятельства, окружающие Ленина, предельно драматичны. Казалось бы, усталость, угнетенное состояние человека, замученного бессонницей, тяжелые известия — все это не создает атмосферы для проявления жизнелюбия. И тем не менее именно в сцене бессонницы зритель смеется охотно и много. Его побеждают юмор и темперамент, с которыми Честников ведет спор с самим собой. Ленин как бы уговаривает, урезонивает собственные мысли, ставшие вдруг непослушными.

Мир Ленина плотно населен.

Честников мгновенно переключается от насмешливого, но уважительного иронизирования над медицинскими рекомендациями доктора Обука к полемическому задору давних споров с Кржижановским о Блоке. Каждый раз, когда в мыслях Ленина возникает человек, Честников очень точно обрисовывает этого человека ленинским отношением. Через отношение Ленина, через ленинскую любовь, ненависть или иронию проглядывает характер того, о ком сейчас он думает.

Зритель очень внимательно следит за живой игрой ума и характера. Угадывает ленинское отношение к отдельным людям и разделяет его.

На сцене Ленин, переполненный изобилием мыслей, идей, планов. Этому Ленину просто не хватает суток, и в его ночные часы врывается жизнь, которую он любит, которую он создает и переживает. Творческое начало, созидательная сила, нетерпение бояца — вот эмоциональный поток, несущийся со сцены в зрительный зал, когда Честников играет сцену ленинской бессонницы.

И вместе с тем Честников не играет характер, а живет в нем. Он воссоздает личность Ленина. Поэтому различные направления его поисков так прихотливо переплетаются. Частности не существуют сами по себе. Они — атомы в единой формуле вещества, из которого создается героическая личность.

ДА, ЛЕНИН в исполнении Честникова — личность героическая, хотя никаких необычных поступков он на сцене по ходу действия и не совершает. Что может быть обычнее, чем ожидание обеда или ночная бессонница? Но в этих обыденных обстоятельствах живет человек героической воли, громадной энергии мысли, весь отданный идее, овладевшей всем его существом. Актер открывает высокую поэзию в жизни и движении ленинского интеллекта. Посмотрев Честникова в этой роли можно сказать, перефразируя поэта: «есть упоение в стремительном полете мысли».

В. ИВАНОВА